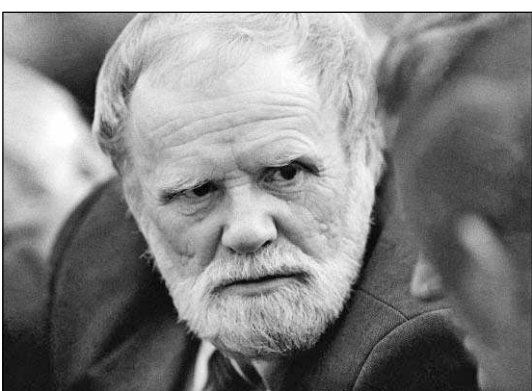

Х

удожественный мир Василия Белова в конце прошлого века стал своего рода гимном русской крестьянской культуры. Городская цивилизация, самонадеянно решившая, что ее рационалистический уклад вполне самодостаточен, вдруг ощутила в своем пространстве некую пустоту, которая не заполнялась ничем, а с течением времени становясь только шире, приобретала свойства тягостной болезни, непонятной и неизлечимой никакими «интеллектуальными лекарствами». И перед русским народом и всеми иными этническими образованиями тогдашнего Советского Союза, словно волшебный и почти беспредельный мир — как бы из небытия или глухой неизвестности — внезапно возник огромный материк традиционной русской народной жизни, воплощенной в слове, в образах, живых примерах, в деталях, именах, умениях и распорядке. Таково было впечатление от прозы писателя, проникновенно повествующего о простых людях, их радостях и бедах, о биографиях, вписанных в бытие великой страны и растворившихся в нем, доносящихся до нас теперь только говором и лицами, да еще отрывочной памятью о больших и малых событиях.

Тогда казалось, что государство обратится к русскому фундаменту жизни, найдет в нем необходимую опору и построит царство труда и

Василий Иванович Белов

справедливости, возблагодарив всех тех, кто невероятными усилиями нес на собственных плечах бремя социалистической идеи.

Шли годы, крепло течение литературы, посвященной русской почве. Но рядом на ключевых точках литературного ландшафта напитки валась соками нашей земли иная словесность, национально выхолощенная, обладающая какой-то дистиллированной кровью. Она отодвигала наследников отечественной художественной традиции на обочину литературного процесса, превращая в пошлый фельетон сердечные сло-

ва, вышедшие из глубины земной. И народ, по душе русский, а внешне все еще советский, незаметно для себя начинал говорить о малозначателем, задумываться над ничтожным, находить разумные объяснения низкому и уродливому.

Писатели, которых критики-говоруны назвали «деревенщиками», на страницах рассказов и повестей, стихотворений и романов сражались за свою страну, спасая уже самые ее основы от поругания и уничтожения. Однако государство, в котором происходили эти невидимые битвы, было уже обречено — и собственной внациональной доктриной, и людьми, вскормленными западной манной и находящимися на командных постах державы.

Вся история советской «деревенской», а по сути подлинно русской литературы являет собой трагическую летопись поражения. С этим можно не соглашаться, однако важно помнить евангельские слова о зерне, которое должно умереть, чтобы затем возродиться. Именно так стоит понимать подвиг писателей-«деревенщиков», потому что они — не представители творческого цеха, в котором можно менять по своему усмотрению приемы и литературные механизмы. На самом деле — они внуки русской литературной классики, которым выпало разбираться с наследством дедов и отцов под присмотром цепких конвойных, на морозе и зное, преодолевая слабость тела и прислушиваясь к далеким голосам, идущим из смутной толщи памяти.

Василий Иванович Белов судьбой своей был призван в первую линию этого духовного и творческого ополчения. Поразительно острое зрение и речевая свобода позволили ему создать множество литературных героев, которые стали близкими и дорогими всякому человеку, спокойно и с достоинством говорящему о себе: «Я — русский». Удивительный лиризм его прозы дает нам право назвать Василия Белова сердцем русской литературы последних десятилетий. Он чувствовал народную жизнь как никто другой и считал, что отечественная классика коснулась важнейших почвенных сюжетов лишь в очень малой степени. Ему не удалось воплотить все многообразие современной подлинно русской жизни — не хватило физических сил, и он ушел, оставив нам свои книги, с которыми придется жить бок о бок уже не поколению 60-летних, а новым молодым.

Его повести и рассказы являлись продолжением той кристальной литературы, к которой принадлежат Толстой и Чехов, Достоевский и Лесков. Не отображение быстротекущего времени, а погружение в народное бытие — вот главное качество произведений Белова. Конечно, на первый план при таком понимании его творчества выходят вещи философские и орнаментально-житейские, однако поразительное напряжение любви к своим героям от автора передается читателю,

и уже он, дитя нынешнего столетия, горюет и плачет, смеется и вздыхает над живыми страницами писателя. Это — литературная часть творческой судьбы Василия Белова, но есть еще и другая ее сторона, связанная с книгой «Лад».

Существует большое количество трудов, посвященных русскому характеру и народным обычаям. Все они писались в эпохи, когда Российская империя не стыдилась слова «русский», а либеральный лай в отношении этнической основы государства имел свои границы. В позднее советское время эти книги стали переиздаваться, хотя в середине XX века были изъяты из круга массового чтения и доступны лишь специалистам. Между тем, такие исследования и очерки — продукт ученого ума или публицистического взгляда на вещи, пусть и глубоко положительного.

Соединение предметной точности, широты охвата того или иного явления, любви к изображаемому и осознанной принадлежности к русскому народу, — подобный культурологический и художественный синтез в книге «Лад» явлен нам впервые. Сегодня зрелый человек и подросток, только начинающий понимать свое место в нынешнем почти «вавилонском» столпотворении этносов, найдут в произведении Василия Белова координаты, в которых необходимо строить собственную жизнь и семейный уклад, налаживать чуткое взаимопонимание с природой. Все это может показаться химерой современному бескорневому городскому человеку. Хотя в действительности он сам представляет собой только пыль от движения стран и народов через времена и пространства.

Пройдет совсем немного лет, и русская молодежь обратится к творению Василия Ивановича Белова в надежде найти на его страницах духовно верную карту отечественного бытия. И уже здесь, в нравственном, культурном и интеллектуальном поле традиции, будет обозначен четкий вектор дальнейшего развития родной страны. Вот почему «Лад» можно считать не только бесценным художественно-историческим документом, но и воспринимать как побуждение к действию. Как *программную книгу*, в которой заключены сохранившиеся коды древней русской цивилизации.

